

персона

У Дмитрия ДИБРОВА самый оригинальный, самый цветисто-вежливый автоответчик. Он приветствует всех позвонивших примерно так: «Как приятно, что из всех возможностей вы выбрали звонок сюда...» Еще больше шокирует нашего брата журналиста, привыкшего к надменной звездной холодности, дибровское неизменное: **«Ценю ваше внимание»**, которым он приветствует коллег из печатной прессы.

На самом деле, сейчас немалое внимание журналистов и телезрителей сосредоточено на Диброве. Покинув «Старый телевизор», он возрождает на НТВ свою «Антропологию», выходявшую раньше на канале «Телеэкспо».

Дмитрий ДИБРОВ: БЕЗ ЛЮБВИ НЕ ОБОЙТИСЬ

Дима с невестой: Александра, этот город наш с тобою

Выстрелы в прямом эфире

Для начала хотелось бы развеять слухи, бродившие вокруг вашего предыдущего проекта — «Старого телевизора». Говорили, что вы были просто «говорящей головой», приходили в студию за пять минут до эфира, вам все готовили редакторы...

Я действительно приезжал в студию за пять минут до эфира. Работа в прямом эфире — это очень «просто». Саша Аронов, автор известного боевика «Если у вас нету тети», мудрый человек, говорит: «Это ведь, как выстрел: ты приезжаешь, стреляешь и уезжаешь. Всего-то и надо — избрести порох, нарыть руду, из руды выплавить металл, из металла вылить пушку, объявить войну, набрать рекрутов, притащить пушку на позицию, верно навести ее на цель, учитывая все упреждения и силу ветра, отдать приказ: «Огонь», а дальше стреляй себе».

Вести программу в прямом эфире просто. Надо только не потерять тридцать лет попусту, надо постоянно смотреть по сторонам и надо мало-помалу проникнуться простенькой идеей о том, что любая религия — это не наука о любви к Богу, а наука о любви к людям. Нет ничего интереснее людей. Если они тебя не интересуют, если ты добрых тридцать лет не изучал с восторгом и упоением различные виды, проявления и классификации людей, ты не сможешь подготовиться к передаче и за три дня, даже читая биографии своих героев.

Конечно, редакторы готовили мне досье. При этом (вовсе не к чести моей) надо сказать, что я почти никогда не пользовался их вопросами. Я не считаю, что задавание вопросов есть основа ремесла ток-шоумена в прямом эфире. Наша единственная задача только в одном: позабавить зрителя в его сером, скучном, будничном дне. Тот, кто полагает, что в течение ближайших тридцати минут по телевизору мы научим лечить рак, выведем Россию из тупика, наконец, решим проблему проституции, наркомании в нашей стране, а также предотвратим атомную угрозу, тот ошибается. Единственное, что мы можем, это потешить телезрителя, правда, толкуя при этом об экономике России...

Кошмар в шашлычной

Информация в прессе о том, что вы открываете школу телеведущих, надеялась много шума. Что с вашей школой, она существует?

Мы занимались один семестр. Это был эксперимент.

Вы обещали, кажется, ученикам помочь с работой?

С ума вы сошли, я никогда не был биржей труда. Нескольким наиболее талантливым ребятам я и в самом деле постарался помочь. Привел их в разные организации, связанные с телевидением, представил, а дальше каждый должен сам грести. Телевидение — это карма, это служение.

Будете повторять эти опыты?

Я не большой преподаватель. Но никогда и не ридился в профессорскую тогу. Я предлагал слушателям представить себя уже в роли ведущих ток-шоу. Я выкладывал им то, к чему сам пришел на практике. Но каждому все равно придется идти самостоятельно.

Я думаю, что от людей тут мало что зависит, потому что каналы — это корпоративные заведения, корпоративно-династические, куда свежие люди попадают очень редко.

Если бы я с вами согласился, то тогда должен был бы немедленно собрать чемоданы и умотать в Ростов-на-Дону. Да, действительно, легко попасть только на станцию Москва-Сортировочная, разгрузить тюки с цементом. А на телевидение — трудно, потому что ответственность велика. Каждая глупость, каждая опасная для общественного сознания мысль будет немедленно растиражирована тысячами самых высоких сооружений на земле созданы для телевидения. Это телебашни.

Любой политик знает силу телевидения. И вообще любое начинание сегодня только тогда возьмает успех, когда удосужится иметь дело с телевидением. Телевидение — это форма самосознания нации. Раньше это была литература, потом кино, сейчас телевидение. Ну так какова же тогда ответственность того, кто попадает на телевидение? Естественно, не руководители телеканалов, а сама практика ставит серьезный фильтр.

То же самое, между прочим, и с музыкой. Это весьма небезобидное дело. Древнекитайский мыслитель Конфуций писал: «Когда музыка порочна, народ ленив, распушен, дик и достоин сожаления».

Взять хоть эту попу страшную, которую я, к несчастью, сам пропагандировал, когда работал на первом канале. (Программы «Подъем» и «Доброе утро». — Ред.) А что мне было делать? Они платили, и я выполнял указания — расставлял клипы там и здесь. И сам же в шашлычной с ужасом слушал этот растиражированный кошмар.

Венские стулья в печке

Вы говорите поппа, поппа, а сами тоже грешным делом песню записали.

И не одну... Вы не слушали «Эхо Москвы»? Я там в прямом эфире представил уже восемь своих композиций.

Я не хочу куда-то продавать свои песни. Я показываю их кому-то, пишу себе в стол. Вот сейчас я как раз пишу музыку к заставке «Антропологии». К счастью, сегодняшнее развитие электронных средств созидания музыки позволяет делать это дома, не прибегая ни к чьей помощи. Сижу, на гитарке наиграваю.

Музыкальное образование у вас есть?

Четыре класса на пианино. Затем я еще с грехом пополам научился играть на барабане, на пятиструнном банджо и гитаре.

Наверное, и отцовские гены сыграли свою роль?

Да, папа у меня играл на пяти инструментах. А диплома у меня нет. Вы знаете, моего друга, например, выперли со второго курса музыкального училища. Я не знаю судьбы остальных, с успехом окончивших это училище, а этот мой друг определяет сегодня отечественный блюз, это Сережа Чиж.

А ваши собственные композиции к какому стилю относятся?

Это странная смесь: блюз, рок-джаз, этнические и варварские пляски, Интернет, кислотный джаз плюс к этому симфонический оркестр. Я так легко говорю об этом, потому что арабские барабаны в исполнении непосредственно арабов приходят ко мне из Америки по Интернету, а симфонический оркестр записан у меня вплоть до прикосновения смычков к струнам. Все у меня есть, только сиди делай.

А вы не будете пользоваться служебным положением в «Антропологии»?

А как? Представляете, выхожу я в «Антропологии» и говорю: «Господа. Вот это мой компьютер, а это я. Послушайте, что я написал вчера». (Как Моцарт: «Прекрасная штука!») Нет, это невозможно, поскольку это скучно.

Хотя однажды уже играл в прямом эфире — на банджо — совершенно неожиданно для меня самого. В гостях была группа «Кукураза». И они вдруг объявляют на всю страну: этот человек играл когда-то у нас два года на банджо — и поворачиваются ко мне: а ну сыграй. Я с ужасом, через десять лет после того как это делал в последний раз, беру банджо и играю.

Что касается моих сочинений, это можно было бы использовать с одной целью — удивить зрителей. Ведь главный фокус прямого эфира — не дать зрителю ни на секунду отойти от экрана. Чем хочешь держи, как хочешь, но тебя должны смотреть. Тут сгодится любое событие. Во время войны в печку, чтобы натопить помещение, идут даже венские стулья. Так и здесь. Только в этом случае я с удовольствием кину в эту топку и собственные музыкантские поделки.

Рай в шалаше

Я слышала, вы пишете книгу, что-то вроде учебника по тележурналистике.

Написал несколько глав. Эта книга — результат размышлений, которые мне пришлось классифицировать, готовясь к лекциям на курсах для телеведущих. Если это прочтут преподаватели факультета журналистики Московского университета, ужаснутся. Потому что они учат как раз иному...

Когда говорят о профессии телеведущего, кажется, что дело во внешних данных или эрудиции. Здоровье тоже немаловажно. Ведущий не должен болеть, потому что плох тот проект, который не идет каждый день. А если он каждый день идет, уж сиди и не болей. Вот у меня сейчас что-то со связками, пойду в поликлинику Большого театра, попрошу что-нибудь сделать с голосом. Ты не имеешь права болеть! Даже сморкаться не имеешь права, если ты в прямом эфире.

Но главное, что делает ведущего интересным для зрителя, — мировоззрение.

На чем держится ваше собственное мировоззрение, есть ли вещи, без которых вы не можете обходиться?

Без любви, конечно. Если человек не умеет влюбляться, если он не умеет страдать из-за женщины, служить ей, это же сразу будет видно. Без любви нельзя жить. Любовь есть, тот, кто в этом сомневается, тот просто не дает себе права любить. А без всего остального можно обойтись. Можно без денег, можно без удобств, можно без санузла — даже если он будет во дворе, человек не умрет.

Помните, у Вероники Долиной: жили темно и бедно, но все же рождались дети. Главное — любовь.

В роли антрополога побывала Елена РИЗАЕВА

досье «Антенны»

Дмитрий ДИБРОВ предпочитает одежду от Боско ди Чильеджи. Любимые цвета — серый, черный, белый. Машина — джип. За плечами — три брака. Семейными узами в данный момент не связан. Тем не менее представил нам свою невесту Сашу. Живет в четырехкомнатной квартире рядом со станцией метро «Китай-город». Любимый тип женщин: «Скорее ясноглазые стройные брюнетки с формами, нежели хрупкие блондинки с розовой кожей». Хотя на тусовках был замечен с длинноногой моделью-блондинкой.